

ГЕРОИ СРЕДИ ВАС

В. Проценко

«Народное образование» опубликовало эту статью в далёком 1965 году. В ней — рассказ о подвиге учителей-фронтовиков, об их послевоенных судьбах, судьбах их воспитанников, о тяжёлых учительских буднях и редких праздниках... Нам нужно это помнить.

Немногие помнят сейчас статью Михаила Ивановича Калинина «Учительство и война». Она была опубликована к первой годовщине Великой Отечественной войны, 14 июня 1942 года, в «Учительской газете».

Доходчиво и просто разъяснял М.И. Калинин учителям задачи, выдвинутые перед ними войной, — задачи воспитателей детей, общественную роль учителей, как пропагандистов и агитаторов в широких массах, как организаторов помощи фронту. Сам Калинин при этом, как это часто бывало, выказывал себя тонким психологом и педагогом. «В этом году, — писал он в статье, — во многих деревнях наблюдается большой прилёт скворцов. Надо объяснить школьникам, что это произошло оттого, что тысячи деревень и сёл сожжены и разорены фашистами, и что птицы вынуждены искать для себя убежища в новых местах. И этот факт ребёнок запомнит на всю жизнь».

Прошло двадцать три года, как я читал эту статью. Детали её давно выветрились из памяти. Но вот «калининских скворцов» я действительно запомнил на всю жизнь, не переставая удивляться тому, как глубоко поражает воображение такое слово, в котором сочетаются наблюдательность и мудрость...

«Советские учителя в Отечественной войне, — писал тогда М.И. Калинин, — не говоря уже о тех, кто непосредственно в рядах Красной Армии ведёт борьбу с немецкими захватчиками, показывают яркие примеры высокого понимания своего гражданского долга. Немало фактов, когда в оккупированных немцами районах советская учительница, до войны скромная и незаметная труженица, становилась мужественным и бесстрашным борцом. Многие советские учительницы, пренебрегая опасностью, помогают партизанам, добывая для них ценные сведения, спасают раненых красноармейцев, собирают тайные сходки колхозников в домах, лесах и рассказывают им правду о войне, возбуждая в сердцах измученных крестьян волю к борьбе».

И далее Михаил Иванович привёл пример высокой гражданской доблести, проявленной пожилой севастопольской учительницей Александрой Сергеевной Федоринчик.

Это было в Севастополе

Весна 1942 года. Налёты гитлеровской авиации на Москву значительно сократились. Суровая советская столица, много перенёсшая за эту зиму, оживает. В Колонном зале Дома союзов собирается

Всесоюзный митинг участниц Великой Отечественной войны. Советские патриотки, одна за другой, выходят на трибуну, клеймят гитлеровских варваров, заявляют о своей непоколебимой уверенности в победе над фашизмом. Среди выступающих — только что прибывшая из героически сражающегося Севастополя пятидесятипятiletняя учительница 14-й севастопольской школы А.С. Федоринчик. «Мы, советские люди, — заявила она под оглушительный шквал аплодисментов, — не сложим оружия, пока на нашей земле останется хоть один фашистский оккупант...»

Через несколько часов после этого митинга мы беседуем с Александрой Сергеевной, уютно расположившись в креслах «ренессанс» одного из пустовавших тогда кабинетов Наркомпроса на Чистых прудах. Федоринчик то и дело с удивлением оглядывается вокруг, медленно гладит рукой белый полированный подлокотник кресла. Ей словно не верится, что здесь не рвутся снаряды и мины, что всё, пережитое несколько дней назад, уже позади.

Стойкость и мужество — давние союзники Александры Сергеевны. Ещё в 1905 году совсем молоденькая, начинающая учительница железнодорожной школы вступает в состав стачечного комитета. Охранка бросает её в тюрьму. Но девушка не выдала товарищей, хотя и вышла из тюрьмы с седой прядью на висках.

И вот через 37 лет пожилой севастопольской учительнице снова понадобилось мобилизовать свою стойкость и мужество...

Маленькая, сухонькая, внешне ничем не примечательная женщина говорит о своём подвиге так же обстоятельно и спокойно, как если бы она рассказывала о методике ведения урока.

Тогда у Александры Сергеевны было четыре сына, четыре богатыря — Сергей, Платон, Георгий и Всеволод. Все они сражались за Родину. Кто из четырёх остался жив — не знаю. Знаю только, что сыновьям Александры Сергеевны никогда не придётся краснеть

за свою мать, которая сама хотела бороться против врага и боролась.

250 дней легендарные черноморцы, отважные бойцы Красной армии и мужественные жители Севастополя отстаивали любимый родной город. И почти все эти 250 дней на своём боевом посту была Александра Сергеевна Федоринчик.

Вот её сидящая голова мелькает в амбразуре Гелендзской башни — это она пришла на передовую с подарками бойцам. Вот она со своей бригадой в штольнях подземного госпиталя. Вот она на занятиях учительского батальона народного ополчения. Вот она, сиделка и санитарка, на корабле-госпитале, каждая капля воды на пути которого таила в себе смертельную опасность.

«Клевать по одному и тому же месту» — так опытный педагог А.С. Федоринчик характеризовала свой приём настойчивых повторных попыток, если сразу не удаётся решение задачи. Много разных препятствий встретила она, сплачивая вокруг себя бригаду молодых учительниц, родителей и учащихся на помощь фронту. Но настойчивость взяла верх. Боевая бригада сформировалась! Она заботилась о детях-сиротах, облегчала участь раненых, вязала носки и варежки бойцам, стирала для них бельё, рискуя жизнью, строила блиндажи, выкладывала и асфальтировала компанеры для самолётов...

...Недавно, в феврале нынешнего года, развернув очередной номер «Учительской газеты», я увидел целую страницу, посвящённую участию учителей и учащихся в Севастопольской обороне 1941–42 гг. Легко себе представить волнение, с которым искали строки об Александре Сергеевне, о её подвиге и дальнейшей судьбе. Но на всей странице среди ряда фамилий учителей ни разу не оказалась даже названной фамилия Федоринчик. Как будто бы и не было в Севастополе никакой учительницы Федоринчик. Как будто бы никогда и не было в «Учительской

газете» статьи М.И. Калинина с рассказом о подвиге скромной учительницы.

Что же мы — Иваны, не помнящие родства? И тогда возникла мысль рассказать читателям об учителях, о которых в дни войны я писал, с которыми встречался, мужественными делами которых восхищался. Все они — дочери и сыновья великого советского народа-героя, не только выстоявшего в борьбе, но и ставшего ещё более крепким и могущественным. В каждой учительнице, в каждом учителе, как в капле воды, отражаются характерные черты и свойства великого народа-океана.

И вот начался сбор и исследование этих «капель», выяснение того, что случилось дальше, как сложилась жизнь героев очерков и статей 1941—1942 годов. Ведь те, кто остался жив, — они ведь здесь, где-то рядом, среди нас. Мы, может быть, каждое утро, выходя из дому, встречаем их, не подозревая, что человек, только что прошедший мимо, два десятка лет назад, в годину Великой Отечественной войны совершил мужественный поступок, приблизивший день нашей Победы.

После встречи в 1942 году я ничего не знал об Александре Сергеевне Федоринчик. Теперь, начиная «розыск», пришлось несколько месяцев назад обратиться в отдел народного образования г. Севастополя, в редакции педагогических изданий Украины. Никакого ответа не последовало. Прочтя номер «Учительской газеты», о котором шла речь выше, послал письмо автору одной из заметок — опять никакого ответа.

В том же номере «Учительской газеты» был помещён рисунок и под ним — подпись, из которой явствовало, что автор рисунка — Юра Андреев, ученик той самой 14-й севастопольской школы, где работала в своё время А. С. Федоринчик. Послал письмо Юре. И что же? Юра ответил тут же, немедленно. «Меня глубоко взволновало Ваше письмо и сразу же захватило», — пишет Юра и сообщает, что ему удалось узнать в первые часы после получения моего письма. В общем, за день Юра сделал то, чего взрослые дяди и тети так и не смогли выполнить за несколько месяцев.

...Итак, склоним головы: Александра Сергеевна Федоринчик умерла в сентябре 1959 года.

ШКОЛА СРАЖАЕТСЯ

Прах её покоится в Севастополе, на кладбище Коммунаров среди тех, жизни которых она защищала, каждую минуту рискуя своей. В последние годы пенсионерка Федоринчик, подтачиваемая тяжёлой, неизлечимой болезнью, много помогала городским организациям по опеке несовершеннолетних. Пусть не в той мере, как этого заслужила Александра Сергеевна, но память о ней живёт в сердцах севастопольцев. Восьмиклассники-краеведы 14-й школы, пишет мне Юра, любовно задумывали и собирали «большой альбом, посвящённый Александре Сергеевне Федоринчик. Альбом этот сейчас в Киеве, на выставке работ о делах и судьбах участников Великой Отечественной войны.

Но какой ещё добрый след успела оставить Александра Сергеевна при жизни после той героической эпопеи 1942 года? Живы ли её сыновья? Где они? Обо всём этом, надеюсь, мы скоро узнаем во всех подробностях от славного севастопольского юноши Юры Андреева.

С пожелтевшей страницы «Учительской газеты» от 22 октября 1942 года на меня смотрит волевое, задумчиво улыбающееся лицо молодого офицера (три «квадрата» в петлицах) с высоким, открытым лбом, густой шапкой тёмных волос, с золотой звездой Героя и орденом Ленина на гимнастёрке. Под фото подпись: Герой Советского Союза командир танка — бывший учитель **Тимофей Максимович Шашло**. Рядом с портретом — газетный «двухколонник» — мой очерк о герое.

Тогда это было первое заочное знакомство с Т.М. Шашло и его подвигом. В Министерстве обороны раскрыли папку — наградное дело Т.М. Шашло. Из неё явствовало, что молодой украинский учитель математики Тимофей Максимович Шашло, будучи старшим сержантом, командиром танка, совершил героический подвиг в бою за овладение селом Штеповка (тогда название села скрывалось за буквой Ш.). В чём суть

этого подвига? Шашло сначала в неравном бою нанес огромный урон огневым точкам и технике противника, а затем, когда пришлось покинуть загоревшийся танк, старший сержант повёл в атаку оробевший было, после потери своего командира, батальон пехоты. Из Штеповки — важного населённого пункта на перекрёстке дорог — враг был изгнан пехотой под командованием танкиста Шашло.

В том же году в «Комсомольской правде», в журнале «Пионер» и в некоторых других органах печати появился снимок: Герой Советского Союза Т.М. Шашло и мальчуган в военной гимнастерке с медалью «За отвагу» на груди. Этот мальчик — юный доброволец, Коля Белостокский, недавний школьник — ученик 6-го класса Ямской школы Донецкой области, потом — бесстрашный разведчик одной из наших частей. Снимок был сделан в Луганске на антифашистском митинге украинского народа, где бывший учитель Т.М. Шашло председательствовал, а бывший ученик Коля Белостокский выступал с трибуны. Недолго прожил Коля. Через месяц, выполняя боевое задание, он погиб...

С тех пор, с 1942 года, мне ничего больше не приходилось слышать о Тимофее Максимовиче Шашло.

В прошлом году осенью, отдыхая в Крюкове — пригороде Кременчуга, сидел я как-то на лавочке возле забора, как бы гнущегося под тяжестью могучих георгин. Сидел, наблюдал за уходящим днём маленького украинского городка. Мимо проходила небольшая группа молодежи — парней и девушек, не очень стройно, но звонко и задористо певших какую-то песню. Не разобрав слов, спросил у своего собеседника, местного учителя, о чём они пели. Сосед повторил:

Ми возвеличимо героїв,
Прославим бойові діла:
Для Батьківщини дорогої
Був подвиг мужнього Шашла...

— А что такое «шашла»? — спрашиваю с недоумением.

— Чей подвиг? Мужественного Шашла. Шашло — это наш украинский герой.

— Как, Шашло, Герой Советского Союза, танкист?..

И я узнал, что Тимофей Максимович Шашло сам из здешних мест. Он здесь где-то неподалёку родился (и тут вспомнилось, что в моём давнем очерке упоминалась станция Павлыш), окончил Кременчугский педагогический институт, работал у себя в селе директором школы... А через несколько дней у В.А. Сухомлинского — славного фронтовика, директора Павлышской школы довелось узнать, что Шашло жив и здоров, живёт в Киеве, заведует областным отделом народного образования.

И вот началось «второе открытие» Тимофея Максимовича Шашло. После героической схватки под Штеповкой Шашло, оказывается, не один ещё раз прославился беспримерными подвигами в танковых сражениях. Трудные дороги войны прошёл он, сокрушая врага, преодолевая водные преграды. Форсирование пятым гвардейским корпусом вброд без аварий и потерь реки Десны было в буквальном смысле возглавлено и блестяще осуществлено подполковником Шашло. Затем бои по форсированию Днепра, бои за освобождение родного Киева. И уже когда фашистская Германия капитулировала, Т.М. Шашло — начальник политотдела бригады едет в составе танковой армии дважды Героя Советского Союза Кравченко на Восток, в Манчжурию — громить японских милитаристов. И здесь гвардии подполковник Шашло участвует в легендарном танковом походе через Большой Хинган, одним из первых советских танкистов преодолевая этот гигантский горный кряж.

Завершён последний этап трудной кровопролитной войны, войны добра против зла. Зло повержено. Как после жаркой крестьянской страды, сын пахаря Тимофей Шашло позволяет себе короткий отдых. Но очень короткий и очень напря-

жённый. Сбросив с себя в 1946 году видавшую виды офицерскую шинель, Шашло должен был всерьёз решить вопрос дальнейшей своей судьбы. По Далю, судьба — это участь, жребий, доля, рок, счастье, предопределение, пути провидения... Но для коммуниста его счастье, его доля — это счастье и доля партии, того общества, которым она руководит. Шашло — не первый учитель, который по зову партии окунулся после войны целиком в партийную работу. Когда я просматриваю теперь послевоенный трудовой путь учителей, о которых писал в дни войны, то вижу у многих: инструктор райкома, третий, второй, первый секретарь райкома, горкома...

В руках учителя, в его золотом сердце — будущее наших детей, будущее народа нашего. И вот бывшего учителя, Героя Советского Союза Т.М. Шашло, успевшего к этому времени окончить партийную школу, избирают первым секретарём Печерского райкома столицы Украины.

Здесь нет нужды рассказывать подробно о деятельности Т.М. Шашло — секретаря райкома и депутата. Хочется отметить только одну характерную для него черту: особое внимание и любовь к детям. Не только к своим (их у Тимофея Максимовича трое), но и ко всем детям вообще.

В депутатской почте отчаянное письмо колхозницы Шестопаля из Берёзани. Её девятилетняя Галочка лежит пластом, лечение ничего не даёт, говорят — «врождённый порок сердца». Помогите! Депутат Шашло звонит известнейшему украинскому хирургу профессору Амосову. Галочку привозят в Киев, в клинику грудной хирургии. Депутату, в виде исключения, разрешают присутствовать во время операции. Оперирует сам Николай Михайлович. Девочка спасена.

А вот случай примерно пятнадцатилетней давности. Секретарь райкома Шашло идёт по Крещатику. Навстречу толпа. В центре её — милиционер, который тащит ревущего, уличённого в воровстве мальчишку лет десяти-одиннадцати. Тимофей Максимович предъявляет милиционеру своё райкомовское удостоверение и говорит, что сам займётся мальчиком. Коля Литвиненко уже не плачет. Он преисполнен гордости, что шагает рядом с Героем Советского Союза. Шашло приводит мальчика к се-

ШКОЛА СРАЖАЕТСЯ

бе домой, узнаёт подробности трудной жизни сироты у тётки-воровки и спекулянтки, на следующий день сам едет по указанному адресу и убеждается в правоте Колиных слов. Колю определяют в детский дом. В выходные дни, в каникулы он всегда с семьёй Шашло. И даже теперь инженер Николай Литвиненко частый гость своего любимого шефа и его семьи.

Вот уже пятнадцатый год Тимофей Максимович руководит Киевским областным отделом народного образования. Невозможно, да ещё за такой большой срок, обозреть эту многогранную, хлопотливую, нервную работу. Попробую и здесь обратить внимание только на несколько чёрточек, характерных для Шашло как руководителя.

Прежде всего, он не сидит у себя в уютном кабинете, на Крещатике № 6. Он почти всегда в разъездах. Это хорошо испытал на себе водитель его машины, исколесивший с ним столичную Киевскую область по всем мыслимым и немыслимым дорогам. Это до известной степени испытал и я, в течение двух месяцев тщетно пытавшийся «уловить» Тимофея Максимовича в Киеве.

Если где-то идёт большая стройка школы, — Шашло там частый гость. Впрочем, не гость: он берёт лопату или носилки, ведра и работает вместе с другими. Если на партийном собрании в школе, колхозе обсуждается серьёзное дело, касающееся образования и воспитания — почти всегда у обочины вы увидите машину заведующего облоно, а его самого сидящим не за красным столом президиума, а просто так, в рядах публики. Он борется за то, чтобы районо осуществлял педагогическое руководство, а не превращался в какую-то снабженческую организацию. Он сам является активным распространителем всего передового в опыте школ, в том числе и в организации сельскохозяйственного труда старшеклассников.

...С фотографии на меня смотрит волевое, задумчиво улыбающееся знакомое лицо. Высокий, открытый, с едва наметившимися бороздками лоб, прямой зачес волос, чуть подёрнутых коварными «серебринками». У лацканов строгого чёрного пиджака с двух сторон ордена и медали — Золотая Звезда Героя, 2 ордена Ленина, 2 ордена Отечественной войны, 2 ордена Красного Знамени...

Родина чтит и любит своего Героя.

Учитель — всегда учитель

В каком бы звании ни был наш учитель-фронтовик, в какую бы горячую перепалку он ни попадал, он всегда оставался педагогом. В редкие минуты затишья между боями он анализировал, обобщал, пробовал в дидактическом плане сформулировать свои мысли.

Именно таким учителем-фронтовиком, то и дело обращающимся в своих мечтах и раздумьях к школе, к ребятам, — представлялся мне тогда, в 1942 году, преподаватель истории и конституции 617-й и 333-й московских школ Михаил Андреевич Артемьев. К тому времени он уже бывалый, обстрелянный политбоец, служивший в Н-ской гвардейской части, теперь можно назвать — в 26-м гвардейском полку 7-й гвардейской стрелковой дивизии. Тогда я ещё не знал, что Михаилу Андреевичу, члену Коммунистической партии с 1919 года, в своей жизни не раз приходилось нюхать пороху — и в 1917 г., и позднее, на фронтах гражданской войны.

В Великую Отечественную войну первую боевую награду — орден Красной Звезды — М.А. Артемьев получил в мае 1942 г. Я писал тогда об этом, писал о том, что за год войны Михаил Андреевич вырос из красноармейца-политбойца в гвардии старшего батальонного комиссара. Вот сокровенные мысли учителя-воина, которыми он поделился в письме к своим коллегам учителям 617-й школы:

«...Идёт война небывалая, жестокая, кровопролитная. Ваш урок должен строиться так, чтобы ребята черпали из него нужное, полезное для войны, для победы. Свободные вечера надо использовать разумно, целеустремлённо. Не нарушая учебного плана, можно, например, в старших классах с успехом подготовить снайперов, бронебойщиков, связистов, истребителей вражеских танков, толковых разведчиков, мотоциклистов, санитарных работников». «...Коварный враг должен быть уничтожен и будет уничтожен, — заканчивал своё письмо М. Артемьев. — И вы, товарищи-учителя, сможете многое сделать, чтобы ускорить час гибели врага и приблизить час нашей победы. Победа в наших руках!».

Множеством невидимых прочных нитей связан был фронтовик Артемьев с детьми, со школой. Тёплые письма шли к нему от директора 617-й школы А. Мостового, учителей Весновской, Зверевой, Ключевой, Халютина. Неля Воробьева, Оля Канфель, Лена Николаева, Валя Ямщикова и многие другие дети в коллективных и индивидуальных письмах любимому учителю незамысловато рассказывали о своих «тыловых» делах. Света Темникова — шестиклассница 333-й школы — была, пожалуй, самым регулярным корреспондентом. Сейчас мы готовимся, сообщала она в одном письме, к тематическому сбору «Надежда Дурова» (это девушка-героиня, с детской непосредственностью поясняла Света своему учителю истории, участвовавшая в войне 1812 г. с Наполеоном)...

Тогда я потерял след М.А. Артемьева, а сам скоро стал бойцом 46-й отдельной стрелковой бригады. И уже двадцать лет спустя с радостью узнал, что подполковник в отставке М.А. Артемьев жив и относительно здоров, что он продолжает трудиться на педагогическом поприще, но после войны обосновался в Ленинграде. Те, кому удаётся встретить Михаила Андреевича в парадном кителе (а это бывает редко), видят, что его грудь отмечена своеобразными вехами славного боевого пути: орден Красной Звезды, орден

Отечественной войны 2-й ст., ещё орден Красной Звезды, орден Красного Знамени, орден Ленина-Агитатор 7-й Гвардейской дивизии, затем — 1-й Ударной армии, Михаил Андреевич Артемьев пренебрегал опасностью, нёс на самый передний край — во взводы, роты и батальоны правдивое слово партии.

...Апрель 1943 года на всю жизнь будет памятен Михаилу Андреевичу, хотя событие, о котором пойдёт речь, и произошло в тылу, в глухом тылу — в столице. Артемьева послали в Москву на сбор фронтовых агитаторов. Емельян Ярославский, Алексей Толстой, Евгений Тарле и другие видные деятели партии, науки и культуры выступали перед боевыми агитаторами. А 28 апреля группа агитаторов (в их числе и М. Артемьев) вела в Кремле задушевную беседу за чашкой чая с лимоном у Михаила Ивановича Калинина. «Что же такое задушевность? — прямо поставил тогда перед агитаторами вопрос Михаил Иванович. — Я знаю, что часто агитаторы идут к бойцам с преднамеренной целью — поговорить с ними по душам. И вот уже одно то, что агитатор заранее ставит перед собой такую цель, делает беседу незадушевной. А если бы агитатор зашёл к бойцам чайку попить, затеял с ними разговор о том, о сём, а затем затронул какой-нибудь интересующий их вопрос, вот тогда беседа приняла бы действительно непринуждённый характер».

Разговор со «всесоюзным старостой» «о том, о сём» затянулся тогда на три часа. Учителю, воспитателю близки были слова М.И. Калинина.

Учитель-воин. Это определение как нельзя больше подходит к М.А. Артемьеву. Если проследить всю его трудовую, сознательную жизнь, то трудно будет, пожалуй, определить, чего в ней больше — учительского или военного. Служба в армии перемежается с учительской работой. И даже в рядах армии — с портупей, кобурой и пистолетом — Михаил Андреевич прежде всего учитель: ликвидатор неграмотности, организатор и преподаватель курсов, пропагандист, агитатор.

Страна дождалась Дня Победы. Через несколько лет Артемьев демобилизуется, затем вовсе уходит в отставку. Куда приложить свои

ШКОЛА СРАЖАЕТСЯ

силы и знания? Михаил Андреевич идёт работать директором средней школы... Ленинградского окружного дома офицеров. Сейчас такие школы ликвидированы. Но Артемьев продолжает учить: он руководит курсами по подготовке молодых офицеров для поступления в военные академии.

Ветерану войны Михаилу Андреевичу Артемьеву уже перевалило за шестьдесят пять лет, но с завидной молодой энергией он не только трудится, как педагог, но и работает пропагандистом, заместителем председателя товарищеского суда, председателем ревизионной комиссии кассы взаимопомощи, профоргом... Не много ли? Судя по тому, что Михаил Андреевич ещё и пишет в газетах, и частый гость в школе, где воспитывается его сын, судя по всему этому — немного. Высок, видимо, коэффициент моральной прочности этого человека.

Там, где речка Быстрая Сосна сливается со своими притоками Лучкой и Ельчиком, много веков назад родился и стал расти искони русский город Елец.

До революции он славился своими кружевами. По сложившейся традиции многие его жительницы из поколения в поколение были искусными кружевницами. Годы Великой Отечественной войны, короткие дни оккупации Ельца фашистами в декабре 1941 года показали, на какой великий подвиг могут быть способны мирные потомки елецких кружевниц.

В Орле живёт сейчас престарелая пенсионерка (с сорокалетним педагогическим стажем), бывшая елецкая учительница Варвара Филипповна Ляшкова. Обитатели Комсомольской улицы и не подозревают, что рядом с ними находится отважная женщина, героиня.

Немцы занимали Елец всего несколько дней, но оккупация эта произошла столь внезапно, что в городе осталось немало раненых и просто отставших от своих

частей бойцов и командиров Красной армии. Варвара Филипповна укрывала в подвале школы № 4, где она работала, тридцать трёх раненых советских воинов. Когда подвал стал вызывать у немцев неясные подозрения, она осторожно переселила своих подопечных на чердак, замаскировав ход. Когда иссякли продукты и нечем было кормить бойцов, Варвара Филипповна обратилась к таким же простым русским людям в соседней слободе, и те помогли ей, чем умели.

Шесть раз немцы, что-то подозревая, являлись в школу, обходили помещения, кричали, стучали автоматами, допрашивали и пытали Варвару Филипповну, доводя её до обморока, но она была непоколебима.

Но вот под стенами города начался решительный бой. Он длился сутки, потом наступила внезапная тишина. Измученная, голодная, обессиленная Варвара Филипповна, кое-как, держась за забор и кусты, выползла на улицу. И вдруг увидела красноармейцев с оружием.

— Вы наши? — спросила она.

— А чьи ж ещё? Фрица вышибли!

Учительница успела сказать, что на чердаке школы находятся раненые бойцы, и рухнула наземь, потеряв сознание...

Командование Брянского фронта наградило Варвару Филипповну Ляшкову орденом Красной Звезды. Учительница получила потом несколько писем от спасённых бойцов, но фамилии их истерлись из её памяти. Она помнит Петра Терентьевича, Михаила Ивановича, Сашу, Витю, Павла. Кто из них жив? Как хорошо было бы встретиться с ними!

Ещё в период войны Варвара Филипповна, пренебрегая своим возрастом, взяла на себя тяжёлый труд председателя Орловского обкома профсоюза учителей. Вместе с делегацией знаменитых брянских партизан она выезжала

в Казахстан, шефствовавший над Орловщиной. Много сил и трудов положила В. Ф. Ляшкова на восстановление школ области. Но силы всё же были подорваны. Пришлось сначала перейти на небольшую учительскую работу, а затем, в 1957 году, стать пенсионеркой.

Сейчас Варвара Филипповна живёт с дочерью, учительницей, потерявшей мужа на войне. В Воронеже, в медицинском институте, — внук.

«Должна сообщить Вам с большим сожалением, что никакой работы в тылу у немцев я не вела. У меня нет никаких заслуг». Так пишет мне из того же Ельца Нина Петровна Шалимова-Саввина. Нина Петровна сожалеет о том, что не вела никакой работы и немного скромничает при этом. К счастью, фашисты хозяйничали в Ельце лишь несколько дней... А если бы вражеская оккупация продлилась? Не могу поручиться, что я мог бы в этом случае переписываться сегодня с Ниной Петровной...

Немцы вошли в город. Вечером в двери к Шалимовым постучали. На пороге — три красноармейца. Они сказали, что отстали от части, а дальше идти опасно. Нина Петровна с матерью приютили их, дав вместо формы одежду двух Нининых братьев, воевавших на фронте. Спрятать этих троих было негде.

На другое утро неожиданно пришла завуч школы Ольга Васильевна Поваляева и увидела трёх незнакомцев. Что ей сказать? Как объяснить? Время такое смутное. Поверит ли она? Поверить ли ей? А вдруг где-нибудь скажет? Чего только не передумала Нина Петровна за несколько секунд, и, наконец, решила, сказала: «Это наши».

Через четыре дня гитлеровцы оставили город. Мать и дочь Шалимовы проводили своих постояльцев на выход из города. Красноармейцы взяли адрес, обещали писать, но ни одного письма Шалимовы не получили. Может быть, погибли в ту же

декабрьскую ночь? А может быть, кто-нибудь из них и жив?

После войны Нина Петровна вышла замуж. Была с мужем в Польше и ГДР. Сейчас вся семья в Ельце. Нина Петровна — воспитательница в детском саду. У неё семнадцатилетний сын и четырнадцатилетняя дочь. А оба брата погибли...

То, что сделала учительница Шалимова, то, что повторила вслед за ней другая елецкая учительница Александра Петровна Волочкова (сейчас — пенсионерка), может показаться мелким, обыденным только тем людям, которые знают об этой страшной войне, о чудовищных злодеяниях гитлеровцев понаслышке. И лишь этим можно объяснить тот странный факт, что в Елецком краеведческом музее, в разделе Великой Отечественной войны, даже не упомянуты Шалимова и Волочкова.

Отважно и смело, как и подобает советским патриотам, встретили елецкие женщины-учительницы внезапное появление страшного врага. Тяжёлыми боевыми дорогами прошли Отечественную войну многие елецкие учителя-мужчины.

В Калуге живёт и трудится сейчас бывший директор 8-й елецкой средней школы Георгий Григорьевич Красников. Очутившись в тылу у гитлеровцев, учитель Красников сколотил крепкий боевой отряд из учителей и учащихся железнодорожных школ Ельца. Этот отряд, где только мог, уничтожал вражеских солдат и офицеров, взрывал и сжигал склады и вагоны с боеприпасами и продовольствием.

От елецкой речки Быстрая Сосна до бельгийской речки Чистая Вода (Ватерлос) — вот долгий тернистый путь Дмитрия Григорьевича Тельных, директора Елецкой станции юных техников.

В 1942-м политрук Д. Г. Тельных участвовал в тяжёлых боях за Великие Луки в составе 2-й ударной армии. В одном из боёв он был ранен, потерял сознание и попал в плен. Началось мучительное пытарство по фашистским лагерям смерти. В конечном счёте гитлеровцы отправили Дмитрия Тельных в один из лагерей, расположенных в северо-восточной части бельгийской провинции Лимбург. Здесь угольные шахты. В нечеловеческих условиях, голодные, полуживые со-

ШКОЛА СРАЖАЕТСЯ

ветские воины вынуждены были до поры до времени добывать уголь для ненавистного врага. Кто послабее духом и телом — погибал. Кто более стойкий, а таких было большинство, готовили себя к побегу. Побег из лагерей скоро стали массовым явлением.

В июле 1943 года бежал из лагеря и Дмитрий Тельных. Бельгийские крестьяне из деревни Ватерлос переправили его в лес. А там в лесах Лимбурга уже действовали партизанские отряды советских воинов, слившиеся впоследствии в устранившую немцев партизанскую бригаду «За Родину» во главе с командиром, подполковником Советской армии К. Д. Шуклиным.

Политрук Дмитрий Тельных, как и все партизаны бригады, выполнял любое боевое задание, которого требовала складывающаяся обстановка. Вот он со своей четвёркой стоит в дозоре в роще у станции Мазайк, пути и сооружения которой через несколько минут будут взорваны партизанами. Вот он с бесстрашным Трефиловым отправляется в Нерутру к начальнику жандармерии Матье и разоружает его. Вот он возле селения Опутры участвует в дерзком нападении на немецкую штабную машину: убиты эсэсовец с двумя офицерами, захвачены важные документы. Вот он минирует дорогу, по которой должна проехать крупная гитлеровская воинская часть.

В 1944 году командование бригады поручило Дмитрию Григорьевичу обучать грамоте и счёту восьмилетнего мальчика Павлика Грибанова. Павлик из города Пушкина под Ленинградом. Отец и мать его погибли в первый год войны. Оказавшись на территории, оккупированной гитлеровцами, Павлик был схвачен, принудительно определён в приют и немного позднее отправлен в Бельгию. Русский мальчик бежал из приюта. Бельгийские граждане привели Павла к русским партизанам. Мальчика все в бригаде очень любили.

За несколько дней до победы, 28 апреля 1945 года, к причалу Одесского порта пришвартовался только что прибывший из Марселя огромный белоснежный теплоход. С его борта сошли на берег ветераны славной советской партизанской бригады «За Родину», немало насолившей гитлеровцам в Бельгии. Рядом с Дмитрием Григорьевичем Тельных стоял его воспитанник Павел Грибанов.

Вышло так, что многие, прощаясь, не успели сказать друг другу и нужных слов. Так расстался и Дмитрий Григорьевич со своим питомцем.

Не счесть боевых дел и свершений советских учителей, сражавшихся против гитлеровцев в партизанских отрядах. Партизанская тропа — это дорога славы и смерти. Звериный кодекс гитлеровских людоедов гласил: «Солдат имеет право расстрелять любого русского, будь то мужчина, женщина или ребёнок. Для этого достаточно назвать его партизаном, партизанкой или помощником партизан». И в наши дни, когда мы читаем о решении бундестага ФРГ, согласно которому в ФРГ прекращается с 1 января 1970 года преследование гитлеровских преступников «за давностью лет», мы с негодованием срываем этот лицемерный покров давности, потому что никогда не сможем забыть о тех «давних» для реваншистов делах, которые они и их единомышленники творили на нашей родной советской земле.

Я писал в 1942 году об отважной партизанке-учительнице Кларе Михайловне Кустанович. Знал, что она погибла, замученная гитлеровскими палачами, но только теперь узнал о леденящих кровь подробностях гибели этой молодой женщины.

Клара учительствовала в Гомельской области — сначала в деревнях Рубча, Лясковичи, Снядин, а с 1937 года — во 2-й школе г. Петрикова. В том же году она вышла замуж за врача — Ефима Яковлевича Таксмана. У них родилась дочурка Фаня. Жила и радовалась жизни счастливая трудовая семья.

Но вот началась война. Отец уезжает на фронт военврачом и вскоре погибает. Гомельщину оккупируют гитлеровцы. Клара завозит свою четырёхлетнюю девочку к родственникам в деревню Голубица, а сама уходит в партизанский отряд. Через некоторое время Клара Кустанович с группой партизан попадает в Голубицу. Гитлеровцы схватили здесь всю группу. Двух партизан расстреляли на месте, а Клару посадили сперва в пожарный сарай. Затем несчастную женщину выволокли из сарая и, пытая, допрашивали о партизанских силах. Клара молчала. На глазах у матери Фаню бросили в костёр. Клара молчала. Девочка сгорела. Обезумевшую мать запрягли в легковой автомобиль, заставили его тянуть, били её и всячески издевались... Клара Михайловна Кустанович была зверски замучена.

Мы не знаем имён и фамилий гитлеровцев, которые сожгли маленькую Фаню и замучили до смерти её молодую мать. Но мы знаем имя тому, кто породил все эти страшные преступления. Имя ему — фашизм.

В сентябре — октябре 1941 года, когда враг пытался зажать в железное кольцо нашу родную столицу, когда на территорию 14 районов Московской области ступил кованый сапог фашистского головореза, одиннадцать заведующих районо из четырнадцати стали партизанить, возглавили партизанские отряды. В Волоколамском, Лотошинском, Уваровском районах успешно действовали партизаны-учителя.

Беспартийный учитель Борис Васильевич Тагунов стал командиром отважного отряда партизан-волоколамцев...

Но вернёмся к волоколамскому Борису Тагунову. В 1942 году фашисты сулили за голову Бориса Васильевича 10 000 рублей. Предателей не нашлось, голова учителя осталась на плечах, широкие знания, которыми он щедро делился с детьми, обогатились теперь ещё и солидным боевым опытом.

Отряд Бориса Васильевича просуществовал всего каких-нибудь несколько месяцев, но за этот короткий срок он нанес огромный материальный и моральный ущерб врагу — уничтожен большой склад боеприпасов, десятки автомашин, цистерны с горючим, большие мосты на переправах. И почти всюду рядом с Борисом Васильевичем были отважные волоколамские школьники: Женья Жучкин, Женья Бриллиантов, Володя Боденко...

Гитлеровцы, непрерывно преследуемые с фронта и тыла, откатываются от Москвы, очищают один за другим районы Московской области. Учитель Тагунов становится офицером регулярной Советской армии. А после демобилизации в 1946 году Бориса Васильевича, как Шашло, как многих других учителей, направляют на партийную работу. Сперва он — инструктор отдела кадров, затем — заведующий парткабинетом, наконец — третий и второй секретарь райкома.

Но учителя непреодолимо тянет к школе, к детям. И вот он, прославленный ветеран войны, кавалер ордена Красного Знамени и медали Партизану Отечественной войны I степени, уже больше десяти лет, как снова в школе, среди ребят.

«Я с радостью думаю, — пишет Борис Васильевич, — что долго ещё потружусь, поработаю, повоюю с любимыми ребятами. Тем более, что любовь-то у нас взаимная...»

А я, в свою очередь, думаю о том, как повезло волоколамским ребятами, что в их школе учителем такой человек, как Борис Васильевич — простой, мужественный, правдивый, подлинный патриот Советской Родины.

Школьники должны хорошо знать своих героев-учителей. Почему бы не завести порядок, при котором на торжественных школьных заседаниях, в День Победы, в День Советской армии и флота все учителя надевают имеющийся у них орден (не колодки, а именно ордена)? Почему не иметь в школе витрину героев-учителей? Почему бы не попросить Никодима Ивановича, хотя бы один раз в год, к случаю, выступить с рассказом о своих боевых делах, об ужасах фашистского рабства, о зверствах гитлеровцев, о всём том, что пришлось увидеть и пережить советским людям в тылу у врага?

ШКОЛА СРАЖАЕТСЯ

Сегодня мы чествуем и поздравляем своих отважных и мужественных товарищей учителей, плоть от плоти советского народа-героя. Стремление стать героем, прославленным командиром, отважным полководцем или космонавтом — естественное стремление наших ребят-подростков.

— Кем бы ты хотел быть? — спросите живого, подвижного, вихрастого мальчугана в коридоре школы.

— Чапаем! — ответит один.

— Щорсом! — скажет другой.

— Доватором, Ковпаком! — заявит третий.

— Гагариным, Леоновым! — ответит четвёртый.

Но найдутся и школьники, которые скажут так:

— Я хотел бы быть таким же отважным, как наш учитель географии Никодим Иванович.

Такой ответ, однако, может быть получен лишь в той школе, где ребята знают имена своих героев-учителей, ковавших победу над фашизмом.

Сотни, тысячи учителей сложили свои головы на полях сражений. Но многие тысячи вышли из испытания. Солдатами не рождаются. Но, получив в бою, при встрече лицом к лицу со смертью, суровую моральную и физическую закалку, прежние Никодимы Ивановичи становятся неузнаваемыми.

Их боевая слава, может быть, и не окрылена легендой. Потому что эти герои рядом — среди нас, среди вас. Но разве это обстоятельство умаляет их подвиг? И разве они не являются для ребят более близким, более убедительным и осязаемым примером, чем прославленный полководец, о котором знают лишь по радио или из книги? **НО**